

Op83
O-65
A-352098

ОРЕНБУРГСКАЯ
ПУШКИНСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Op 83
0-65
Op 83.31

„Книжному обозрению“,
без которого никуда не пойдешь

+83.3(2=444.2)52-8

Большая

Пушкин А.

V 98
Оренбург

ОРЕНБУРГСКАЯ ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

a-352098

Путешествие - 1833
Реалии "Истории Пугачева"
Прототипы "Капитанской дочери"
Исследователи и интерпретаторы

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ОРЕНБУРГ
Печатный Дом
«ДИМУР»
1997

1K

Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь проверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

А. С. Пушкин

К ЧИТАТЕЛЮ

Оренбургская Пушкинская Энциклопедия коренным образом отличается от всех изданий такого типа. Отличается уже тем, что посвящена конкретным произведениям А. С. Пушкина – “Истории Пугачева” и “Капитанской дочке”, если определеннее, то реалиям их, и, разумеется, всему, что связано с предпринятой поэтом оренбургской его поездкой 1833 года.

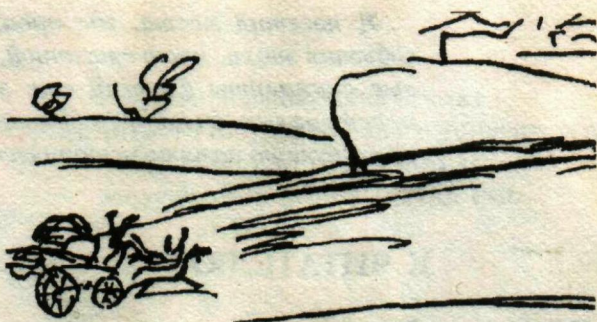
Она, эта энциклопедия (сокращенно – ОПЭ), могла бы с полным основанием именоваться Пушкинско-Пугачевской, ибо основу ее составляет персонифицированный комментарий ко всем именам и названиям, значащимся в главном историческом труде гения России. Авторы-составители руководствовались твердой убежденностью в том, что любое имя, упомянутое Пушкиным, и даже не названное, но явствующее из контекста, уже самим этим фактом заслуживает персональной статьи в ОПЭ, которой предназначено стать важным пособием-справочником для каждого, кто намерен углубиться в произведения Пушкина об эпохе Пугачева или станет заниматься исследованием этой яркой эпохи в богатейшей российской истории.

Коль скоро мы задались целью создать именно Оренбургскую Пушкинскую Энциклопедию, то, во-первых, имена и названия в ней в основном оренбургские (в географических границах губернии 70-х годов XVIII века), а, во-вторых, каждое из них непременно проверяется взглядом Пушкина. Отсюда вытекает и характер пристатейных сносок, начинающихся, в большинстве своем, ссылками на сочинения и другие материалы, восходящие к Пушкину. Как убедится читатель, специалист и не специалист, для установления истинного лица исторических персонажей широко используются фонды архивов (центральных и периферийных); сноски на основные документы присутствуют там же, открывая возможности продолжения поиска.

ОПЭ одновременно включает в себя и другие статьи: об известных Пушкину уроженцах Оренбуржья или людях, связанных с ним различными узами, о маршруте оренбургской поездки (с указанием всех пунктов на каждом из ее этапов), о встреченных людях – давних и новых знакомых, о первых изданиях “Истории Пугачева” и “Капитанской дочки”, театральных, кинематографических, музыкальных, графических воплощениях сюжетов произведений, исследователях “оренбургской” темы в российской науке, оренбургских пропагандистах и популяризаторах творчества Пушкина, всесоюзных и региональных научных конференциях в этом крае и многом другом.

Мы благодарны всем, кто поддержал нашу идею и способствовал этому изданию, посвящаемому 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Но до этого великого праздника российской и мировой культуры, который мы отметим в 1999-м, будет еще и сентябрь 1998-го, когда оренбургской поездке Гения исполнится сто шестьдесят пять.

В преддверии этого авторы отдают ОПЭ на суд строгий и – доброжелательный.

“...По совести исполнил долг историка...”

В творческом наследии Александра Сергеевича Пушкина особое место принадлежит его произведениям о Крестьянской войне 1773-1775 годов под предводительством Е.И.Пугачева.

Замысел “Капитанской дочки” возник уже в процессе работы поэта над “Дубровским”, начатой в октябре 1832 г. Уже тогда он впервые подошел к проблеме крестьянского восстания и к истории офицера-дворянина, изменившего своему классу. В самом конце января 1833 г. в одной из его тетрадей появляется имя одного из случайных сообщников Пугачева – подпоручика Шванвича, а по сути первоначальный план нового произведения в прозе. Но дальше начальных набросков плана художественная работа не пошла. Изучение архивных материалов о Пугачевщине, доступ к которым Пушкин получил 25 февраля того же года, увлекло его настолько, что вместо романа он тотчас принялся за “Историю Пугачева” которая писалась небывало быстрыми темпами.

Именно это произведение открыло собой русскую научную историографию Пугачевского восстания. Впервые темой исследования было избрано стихийное выступление народа против крепостничества, против произвола заводчиков и царской администрации. Пушкинская “История Пугачева”, проникнутая сочувствием к угнетенному народу, противостояла реакционным воззрениям правящих классов и официальной дворянской историографии на Пугачевское восстание. Для 30-х годов прошлого столетия, сопровождавшихся массовыми крестьянскими выступлениями и волнениями военных поселян, “История Пугачева” была книгой на острую социальную тему. Будучи всегда твердо убежденным, что политическая свобода в России “неразлучна с освобождением крестьян”, Пушкин своим научным исследованием дал понять: дальнейшее промедление в разрешении крестьянского вопроса может привести к перерастанию разрозненных вспышек народного возмущения во вторую “пугачевщину”, в огне которой погибнут самодержавие и дворянство.

Вместе с тем “История Пугачева” показала сложность и противоречивость взглядов Пушкина на крестьянские восстания. Находясь на позициях либерального дворянства, он не мог оценить исторической прогрессивности Пугачевского движения, его страшила разрушительная стихия народных выступлений, он не видел в них радикального способа разрешения коренных социальных противоречий ни в екатерининское время, ни в современной ему действительности. Твердо веря в творческие силы русского народа, Пушкин усматривал выход из этих противоречий не в классовой борьбе, а в мирном прогрессе, в улучшении нравов и успехах

просвещения, которые должны были, по мнению поэта, проложить дорогу к торжеству свободы и гуманизма, к расцвету национальной культуры.

Пушкин приступал к созданию своего исторического труда с изучения доступной ему отечественной и зарубежной литературы по этой теме, используя и свою личную библиотеку, и собрания своих друзей и корреспондентов. По собственным его словам, он "прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве". В числе книг, просмотренных и критически использованных Пушкиным, были работы русских авторов, в том числе запретная книга А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву", публикации официальных актов в "Полном собрании законов", сочинения иностранных историков и мемуаристов, переписка Вольтера с Екатериной II. Помимо печатных изданий, Пушкин привлек рукописную литературу, различные мемуарные записки, хроники, записал устные рассказы современников и очевидцев Пугачевского восстания. И все-таки это не дало Пушкину полного и во всем достоверного материала. Поэт решил обратиться к архивным документам, едва затронутым в трудах его предшественников, с тем, чтобы выявить источники, необходимые для воссоздания подлинной картины восстания.

В феврале-марте 1833 года под видом работы над биографией генералиссимуса А.В.Суворова-Рымнического Пушкин получил из Петербургского и Московского отделений Военного министерства десять "пугачевских" книг с документами делопроизводства Секретной экспедиции Военной коллегии и военно-походных канцелярий, командующих карательными войсками правительства. Материалы фонда, содержащие сведения о развитии повстанческого движения в сентябре 1773 – августе 1774 годов и о мероприятиях правительства Екатерины II по организации военного подавления восстания, манифесты и указы Пугачева, предписания его Военной коллегии, распоряжения и донесения пугачевских атаманов, протоколы следственных показаний повстанцев – все это составило документальную фактическую первооснову пушкинской "Истории Пугачева". О кропотливой работе над "пугачевскими" делами архива Военной коллегии свидетельствуют сохранившиеся в рукописном наследии Пушкина его "архивные" тетради, в которые он заносил копии и конспекты документов, выписки из них и многочисленные заметки.

Завершив к лету 1833 года черновую рукопись "Истории Пугачева", Пушкин как взыскательный исследователь и художник не был удовлетворен составом использованных им исторических источников. Ему не удалось получить доступа к протоколам допросов Пугачева и ближайших его сподвижников, находившимся на секретном хранении в государственном архиве. Собранные в Петербурге документальные материалы освещали Пугачевское восстание односторонне, с позиции администрации Екатерины II. Не могла удовлетворить Пушкина и литература, которая, ревностно отстаивая интересы дворянства и самодержавия, трактовала "пугачевщину" в тенденциозном духе, искажая истинные причины грандиозного народного движения, предвзято дискредитируя с моральной стороны Пугачева, его соратников и рядовых повстанцев.

Пушкин сознавал, что для более полного и выразительного освещения событий надлежало обогатить исследование новыми источниками и собственными наблюдениями. С этой целью он и отправился в августе 1833 года в путешествие на берега Волги и Урала, в те края, которые были главной ареной Крестьянской войны 1773-1775 годов. Поэт намеревался осмотреть места бывших сражений, города и крепости, взятые вольницей Пугачева, надеялся разыскать в местных архивах неизвестные еще документы. Но главная цель поездки заключалась в на-

дежде встретиться с жившими там престарелыми участниками и очевидцами пугачевской эпопеи и от них узнать об отношении народа к восстанию и его предводителю, записать живые воспоминания, предания, песни.

Побывав в начале сентября в Казани, Пушкин сообщал жене: "Здесь я возился со стариками современниками моего героя, объезжал окрестные города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону". Подобная кропотливая работа ждала его в Симбирске, Оренбурге, Уральске, попутных приволжских селениях и приуральских казачьих станицах.

В Казани и ее предместьях Пушкина сопровождал профессор местного университета К.Ф.Фукс, который рассказал ему о лютеранском пасторе, служившем полковником у Пугачева, об академике Ловице, убитом повстанцами. Очевидцы восстания купцы В.П.Бабин и Л.Ф.Крупеников поведали поэту о взятии Казани войском Пугачева в июле 1774 года.

В Симбирске Пушкин осмотрел дом, принадлежавший в 1774 году купцу и горнозаводчику И.С.Мясникову-Пустынникову. Туда 1 октября 1774 года по распоряжению командующего карательными войсками генерала П.И.Панина был доставлен пленный Пугачев. От поэта Николая Михайловича Языкова и его братьев Петра и Александра – своих симбирских знакомых – Пушкин услышал рассказ о действиях пугачевского атамана Фирса Иванова. Языковы же сообщили предание о публичном допросе Пугачева в Симбирске, когда на упрек Панина: "Как же смел ты, вор, назваться государем?" – Пугачев дерзко ответил: "Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает..."

Три дня провел Пушкин в Оренбурге. Служивший в это время чиновником по особым поручениям в канцелярии оренбургского военного губернатора писатель и этнограф В.И.Даль взял на себя роль проводника по городу и его окрестностям. Он провел Пушкина по местам, связанным с событиями шестимесячной блокады Оренбурга, показал Георгиевскую церковь, с паперти которой повстанцы вели пушечный обстрел передовых укреплений, Зауральную рошу, откуда пугачевцы штурмовали город, следы их батарей у восточного предместья; рассказывал о примечательных эпизодах того времени, услышанных им от очевидцев восстания.

Богатой по впечатлениям оказалась поездка Пушкина и Даля в Бердскую слободу, где в дни оренбургской осады располагалась ставка Пугачева и находился главный лагерь повстанческого войска. В Бердской слободе Пушкину посчастливилось встретиться с замечательной хранительницей воспоминаний о "Пугачевщине" старой казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой, которая в далекой юности знала Пугачева и хорошо помнила события того времени. Вспоминая встречу с Бунтовой, Пушкин писал жене: "В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune (с франц. – большой успех) – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал..." Бунтова показала Пушкину дом казака Константина Егоровича Ситникова – "золотой дворец", в котором поселился Пугачев; поведала поэтическую историю о старухе Разиной – матери казака-пугачевца Степана Андреевича Разина. Рассказала она и о женитьбе Пугачева на уральской казачке Устинье Петровне Кузнецовой, о взятии повстанцами Нижнеозерной крепости (где в девичестве жила Бунтова), спела три песни о Пугачеве, сообщила о ряде других событий восстания. В воспоминаниях Бунтовой Пугачев запечатлелся как выдающийся предводитель народных масс. "В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали", – такую запись со слов своей собеседницы внес Пушкин в свою дорожную тетрадь.

Из Оренбурга Пушкин отправляется в Уральск. В попутных казачьих станциях (бывших линейных крепостях) он продолжает разыскивать современников Пугачевского движения, расспрашивает и записывает их рассказы. В Татищевой поэт беседует с 80-летней Матреной Алексеевной Дехтяревой. Она делится воспоминаниями о штурме Татищевой, о победе Пугачева и о гибели коменданта крепости полковника Г.М.Елагина и его семьи. Ценнейшими историческими свидетельствами обогатился Пушкин при посещении Нижнеозерной, где очевидцы рассказали ему о героическом поведении Пугачева во время атаки крепости, о гибели коменданта майора З.И.Харлова, о пугачевском секретаре Д.Н.Кальминском, сообщили ряд других фактов.

Три дня провел Пушкин в Уральске (бывшем Яицком городке), вблизи которого, в степных казачьих хуторах, зародилось Пугачевское движение. Поэт осмотрел старинный Михайло-Архангельский собор, цитадель городской крепости, осаждаемой повстанцами в январе-апреле 1774 года, видел каменный дом пугачевского атамана М.П.Толкачева и руины Петропавловской церкви, где Пугачев венчался с Устиньей Кузнецовой. В эти дни состоялось знакомство Пушкина со знатоком истории уральского казачества полковником Ф.Б.Бизяновым. После таких знакомств и бесед с офицерами и рядовыми казаками поэт сообщал жене, что они "давали... все известия, в которых имел нужду". Так он услышал рассказ о яицком казаке Федулеве, который спас Пугачева от плена под стенами Оренбурга зимой 1774 года, и обстоятельную историю ареста Пугачева казачьими старшинами-заговорщиками в сентябре 1774 года у реки Большой Узень. Особенно запомнилась Пушкину беседа с ветераном-пугачевцем Михаилом Денисовичем Пьяновым (видимо, по ошибке памяти Пушкин назвал Михаила Пьянова Дмитрием), который вспоминал, как, будучи посаженным отцом на его свадьбе, Пугачев жаловался старому своему приятелю, отцу жениха: "Улица моя тесна", сетуя на своеволие яицких казаков, которые внешне оказывали ему, "государю Петру Федоровичу", почтение, фактически же не без успеха пытались управлять его действиями. Когда Пушкин в беседе с Михаилом Пьяновым отозвался о Пугачеве как о самозванце, он получил резкую отповедь от старого казака: "Он для тебя Пугачев, ответил мне сурово старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович". Из разговоров с уральцами Пушкин вынес заключение о том, что "уральские казаки (особливо старые люди) доньше привязаны к памяти Пугачева". А одна собеседница, 80-летняя казачка, говорила поэту о Пугачеве: "Трех сказать, на него мы не жалуемся; он нам зла не делал".

1 октября 1833 года Пушкин приехал в нижегородскую свою вотчину, село Болдино, где сразу же принялся за доработку рукописи, вводя в нее собранные в ходе путешествия материалы, освещавшие события Пугачевского движения с позиции народных масс.

Два года спустя после выхода в свет "Истории Пугачева" Пушкин, перечисляя использованные им источники ("Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов... разных рукописей, указов, донесений и проч."), подчеркнул значение для создания книги своей оренбургской поездки, во время которой ему посчастливилось встретиться с очевидцами и участниками Пугачевского восстания. Их воспоминания, показания и предания были для Пушкина "драгоценны и незаменимы", но в то же время он не фетишизировал их, по собственному опыту зная, "сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности", как и иные виды исторических источников. В поисках истины поэт шел по пути критического сопоставления свидетельств, "поверяя мертвые

документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою".

20 ноября 1833 года Пушкин возвратился из Болдина в Петербург и в середине декабря через Бенкендорфа передал рукопись первых пяти глав "Истории Пугачева" на цензорский просмотр Николаю I; в начале февраля 1834 года он отправил ему три последних главы. Книга вышла в свет в декабре этого же года.

Нет необходимости подробно рассматривать здесь содержание замечательного пушкинского произведения — книга читателям доступна. Следует отметить лишь сущность основных положений, а также историографическое значение ее.

Научная новизна исследования заключалась в том, что в нем впервые в отечественной исторической науке дано было последовательное освещение событий Пугачевского восстания от его зарождения до подавления важнейших очагов повстанческой борьбы и даже до трагического финала — казни Пугачева и его ближайших сподвижников.

Значительное место отвел Пушкин предыстории восстания, рассказав о волнениях и вооруженных выступлениях в XVIII веке казаков на Яике, которые аккумуляли силы народного сопротивления на юго-востоке страны, были питательной средой, подготовившей выступление Пугачева.

В соответствии с замыслом "Истории Пугачева" Пушкин, по собственным словам, "старался... исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении", что стоило ему "немалого труда" из-за противоречивости свидетельств источников. Несмотря на эти внешние препятствия, поэт мастерски исполнил главную свою задачу: дал впечатляющие картины стихийного народного движения и отчаянной борьбы восставших с правительственными войсками. Характеризуя размах Крестьянской войны, Пушкин писал, что она поколебала Российскую империю "от Сибири и до Москвы, и от берегов Кубани до Муромских лесов".

Изучая материалы "пугачевщины", Пушкин вынес отчетливые представления и об остроте социальных противоречий, и о расколе общества на два непримиримо враждующих лагеря. "Весь черный народ был на стороне Пугачева, — писал он в "Замечаниях о бунте". — Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства".

Идейная направленность книги наводила на мысль о необходимости проведения преобразований в социально-политической жизни страны: "Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен", но правительство Екатерины II, расправившись с восстанием, ограничилось реформой местного управления, централизацией государственной власти и некоторыми частными мерами, способствовавшими укреплению полицейско-бюрократического аппарата в целях обуздания мятежного народа, но не устранившими глубинных социальных противоречий в стране.

Пушкин отнюдь не идеализировал Пугачева, изображал его человеком своего времени и мужицко-казацкой среды. Вместе с тем страницы книги рисуют Пугачева как "славного мятежника", человека, наделенного незаурядным умом, "дерзостью необыкновенной", неукротимой волей, целеустремленностью, обладавшего большим жизненным опытом и познаниями в военном деле. Выдвинутый волею обстоятельств в лидеры движения, взяв на себя исключительно сложную роль самозванного царя и мастерски исполняя ее, Пугачев преодолел сословный сепаратизм и своеволие яицких казаков, вырос в авторитетного предводителя восставшего народа.

Подытоживая собственные наблюдения и впечатления, вынесенные из путешествия, Пушкин в заключительной главе своего исследования писал, что имя Пугачева "гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую – так выразительно – прозвал он пугачевщиною".

Говоря о научной стороне "Истории Пугачева", ее основополагающем вкладе в историографию Крестьянской войны 1773-1775 годов, следует отметить и выдающиеся литературные достоинства этого произведения. Стремясь к живой выразительности изложения, Пушкин в работе над историческими источниками и основным текстом книги использовал все многообразие художественных средств. Поэт трансформировал содержание источников, достигая этим большей выразительности образов и динамичности повествования. В этом отношении он произвел своего рода преобразование стиля научно-исторической литературы, сблизив его до некоторой степени с методом художественной прозы.

Представляя рукопись "Истории Пугачева" на суд властей, решавших вопрос о ее издании, автор в черновике письма к А.Х. Бенкендорфу писал: "Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без кривоудущия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей" (Цитируемый текст Пушкин не включил в беловик письма, заменив его иным по содержанию и тону: "Не знаю, можно ли мне будет ее ("Историю Пугачева") напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных". Перемена авторской характеристики "Истории Пугачева" была продиктована, видимо, опасением, что откровенность его высказывания по поводу различия между официальным взглядом на Пугачевское восстание и истинным положением дела могла бы неблагоприятно сказаться на решении вопроса об издании).

Справедливость этих слов подтверждается итогами того огромного и добросовестного труда, который проделал гениальный художник-историк.

В процессе работы над "Историей Пугачева" А.С. Пушкин не забывал и о задуманном им художественном произведении. Не отписки, но истины ради писал он, отвечая 30 июля 1833 г. на официальный запрос от имени Николая I о целях его путешествия в Казань и Оренбург: "Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани и вот почему хотелось бы мне посетить обе эти губернии". В подтверждение того, что ссылка на роман имела своей целью не только прикрыть основную мотивировку поездки – необходимость доработки вчерне написанной "Истории Пугачева", но и увидеть собственными глазами места событий в будущем романе, можно сослаться на то, что через пять дней Пушкин набрасывает проект художественного введения к нему, прямо связанный с первоначально задуманной фабулой. Варианты ее менялись, образы кристаллизировались, шло изменение характера и функций героев, приближение к историческим реалиям, к жизненной правде. Все это потребовало времени: произведение вчерне было завершено только 23 июля 1836 г., а затем еще три месяца переписывалось и доводилось до конца. В "Современнике" оно увидело свет лишь под конец того года – за считанные недели до роковой дуэли.

Авторы-составители "Оренбургской Пушкинской Энциклопедии" надеются, что их труд поможет специалисту-исследователю, пытливому читателю и почитателю А.С. Пушкина глубже понять его, Пушкина, подвиг и бурное время Пугачева.

КАЛЕНДАРЬ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОЕЗДКИ А.С.ПУШКИНА

17 августа (четверг) утром Пушкин выехал из Петербурга (вместе с С.А.Соболевским) по московско-петербургскому тракту в Москву.

18 августа (пятница) Пушкин и Соболевский в дороге.

19 августа (суббота) вечером Пушкин с Соболевским приехали в г.Торжок (Тверской губ.). Здесь они остановились и переночевали в гостинице Е.Д.Пожарского.

20 августа (воскресенье) утром Пушкин распрощался с Соболевским и написал первое (с дороги) письмо жене.

Выехав из Торжка, он свернул с почтового тракта на проселочный и направился на г.Волоколамск, решив заехать в с.Ярополец (в 14 верстах от Волоколамска) – к своей теще Н.И.Гончаровой.

В дороге Пушкин принял другое решение – попутно навестить своего приятеля П.И.Вульфа, проживавшего в с.Павловском (его имении в 64 верстах от Торжка) Старицкого уезда Тверской губ. Сюда поэт прибыл в 8 час. вечера и здесь переночевал.

21 августа (понедельник) Пушкин написал (из Павловского) второе письмо жене. – В этот же день он съездил в соседнее село Малинники (имение А.Н.Вульфа), где, вероятно, и переночевал.

22 августа (вторник) утром Пуш-

кин отправился из Малинников проселком в с.Мологино (того же Старицкого уезда) и пробыл здесь до вечера в семье своего знакомого, сельского учителя А.А.Раменского.

23 августа (среда) вечером Пушкин прибыл в Ярополец.

24 августа (четверг) днем поэт беседовал с тещей, осмотрел гробницу ее пращура, гетмана П.Д.Дорошенко, и отобрал десятка три книг из семейной библиотеки Гончаровых. Вечером Пушкин долго гулял по парку, а ночью выехал из Ярополяца в Москву.

25 августа (пятница) в полдень поэт приехал в Москву и остановился у Гончаровых (на Большой Никитской улице). Здесь он пробыл четыре дня (до 29 августа).

26 августа (суббота) Пушкин написал третье письмо жене. Посетив профессора-словесника, критика и переводчика С.П.Шевырева, поэт отправился вместе с ним к фольклористу П.В.Киреевскому, которому отдал свою тетрадь с записанными в с.Михайловском народными (и одной своей) песнями и у которого встретил С.А.Соболевского.

27 августа (воскресенье) Пушкин написал четвертое письмо жене (где сообщил, в частности, что был у М.П.Погодина и встретил П.А.Чаадаева). После этого он отправился к А.Я.Булгакову – поблагодарить за приглашение на именины его жены, извиниться за свое отсутствие на них

и, кстати, попросить у него подорожную. Днем поэт встретился со своим бывшим приятелем по холостой жизни, М.С. Судненко, и отобедал у него, а вечером навестил П.В. Нащокина.

28 августа (понедельник) днем Пушкин встретился в книжном магазине с Н.Н. Раевским-младшим и отобедал у него. – Вечер он провел снова у П.В. Нащокина.

В эти же дни – **26-28 августа** (суббота-понедельник) Пушкин встретился и беседовал с графом А.А. Бобринским и декабристом – графом М.Ф. Орловым.

29 августа (вторник) к вечеру, после “прощального” обеда у П.В. Нащокина, Пушкин выехал из Москвы в Нижний Новгород.

30, 31 августа и 1 сентября (среда, четверг и пятница) поэт находился в дороге.

2 сентября (суббота) утром Пушкин приехал в Нижний Новгород, остановился в номерах, нанес визит губернатору М.П. Бутурлину, отобедал у него, осмотрел достопримечательности города, съездил на Нижегородскую ярмарку и написал два письма жене (пятое и шестое).

3 сентября (воскресенье) Пушкин еще раз отобедал у М.П. Бутурлина (будучи приглашен еще накануне) и после обеда выехал из Нижнего Новгорода в Казань.

4 сентября (понедельник) поэт в дороге.

5 сентября (вторник), в 12-м часу ночи Пушкин приехал в Казань и переночевал в гостинице старого Дворянского собрания, а утром **6 сентября** отправился в дом генерал-майора Л.Н. Энгельгардта, тестя Е.А. Баратынского. Здесь он неожиданно встретился с самим Баратынским, направлявшимся в с. Каймары (в 20 верстах от Казани), имение тестя.

6 сентября (среда) утром Пушкин отправился на окраину Казани, в Суконную слободу, где посетил так называемый Горлов кабак и там беседовал с 60-летним рабочим-суконщиком В.П. Бабиным о пугачевцах и их вожде (родители Бабина были современниками Пугачева, а сам он был тогда годовалым ребенком), о штурме ими Казани в июле 1774 г., о разгроме их правительственными войсками И.И. Михельсона и о ближайших последующих событиях. Осмотрел и “пугачевские” места в слободе.

Утром же 6 сентября Е.А. Баратынский сообщил о приезде Пушкина своим здешним приятелям – А.А. Фуксу и ее мужу, профессору патологии и терапии К.Ф. Фуксу.

Вечером 6 сентября поэт обрабатывал запись своей беседы с Бабиным и договорился с Баратынским проводить его на следующий день утром в Каймары.

7 сентября (четверг) утром, на проводах Баратынского, Пушкин встретился и познакомился с К.Ф. Фуксом. После проводов поэт один отправился по Сибирскому тракту к д. Троицкая Нокса (в 9-10 верстах от центра Казани), где когда-то Пугачев расположился боевым лагерем – перед наступлением на Казань.

На возвратном пути Пушкин объехал Арское поле и в 12 часов приехал к Казанскому кремлю, где осмотрел все его исторические памятники.

Между 2-6 часами дня Пушкин отправился к своему знакомому по Петербургу писателю-сатирику Э.П. Перцову, где вновь встретился с К.Ф. Фуксом и познакомился с женой и братьями Эраста Петровича. Здесь же он отобедал и сыграл партию в шахматы с хозяином дома.

Часов в 6 вечера Пушкин отпра-

вился от Перцова к Фуксу (по его приглашению и вместе с ним) и здесь познакомился с его женой Александрой Андреевной. После непродолжительной беседы с Фуксом, по его совету поэт навестил старожил-купца Л.Ф.Крупенникова, в юности бывшего в плену у Пугачева.

У Фукса Пушкин пробыл до часу ночи, непринужденно беседуя.

От Фуксов поэт возвратился в дом Л.Н.Энгельгардта и начал готовиться к отъезду из Казани, успев написать несколько строк жене (это было седьмое письмо ей с дороги).

8 сентября (пятница) рано утром из Каймар прискакал Е.А.Баратынский – попрощаться с Пушкиным. При расставании Александр Сергеевич подарил ему свой портрет (работы художника Ж.Вивьена, 1826-1827 гг.).

Около 6 часов 30 минут утра (восход солнца в этот день в 6 час. 12 мин.) поэт выехал из Казани в Симбирск.

9 сентября (суббота), часов в 6-7 вечера Пушкин прибыл в Симбирск и остановился в гостинице. Вскоре по приезде он навестил губернатора А.М.Загряжского (дальний родственник тещи поэта). Здесь же он встретился с поволжским писателем И.А.Второвым, своим знакомым еще по Петербургу, знатоком истории Поволжья.

10 сентября (воскресенье) Пушкин “знакомился взором” с Симбирском, его центром и окрестностями (в частности, с видом на Волгу и Заволжье), а также с его историческими достопримечательностями.

11 сентября (понедельник) утром, зайдя в дом Языковых (на Спасской улице, 16) и не застав никого из братьев (Александра, Николая и Петра Михайловича), поэт отправился в их имение – Языково (в 65 верстах от

Симбирска). Приехал он сюда к вечеру, но застал лишь П.М.Языкова (известного тогда геолога). Здесь Пушкин и переночевал, с большим для себя удовольствием познакомившись с Петром Михайловичем, который заслуженно слыл и историком – знатоком местного края.

12 сентября (вторник) утром Пушкин написал (из Языкова) письмо жене (восьмое), а к вечеру был уже снова в Симбирске и навестил губернатора.

В ночь с 12 на 13 сентября поэт выехал в Оренбург, но вернулся днем 13-го в Симбирск (“заяц перебежал дорогу”). Остановился он теперь у губернатора и здесь познакомился с поэтом и переводчиком-ориенталистом Д.П.Ознобишиным.

13 сентября (среда) днем или к вечеру Пушкин был на званом обеде у А.М.Языкова, где, кроме Александра Михайловича и его жены, присутствовали: генерал-майор Г.В.Бестужев, братья-помещики А.И. и П.И.Юрловы, ветеран войны 1812 г. Аржевитинов, помещик А.А.Столыпин (дальний родственник М.Ю.Лермонтова) и помещик Шувалов (бывший форейтор Пугачева). После обеда все отправились к Юрловым (в их дом на Покровской улице).

14 сентября (четверг) поэт написал письмо жене (девятое), навестил мать В.Ф.Одоевского (по его просьбе, высказанной еще в Петербурге) и провел последнюю ночь в Симбирске (на квартире губернатора).

15 сентября (пятница) рано утром Пушкин вторично выехал в Оренбург, уже другой дорогой.

16 и 17 сентября (суббота и воскресенье) Пушкин в дороге.

18 сентября (понедельник) – в 9-10 часов утра поэт прибыл в Оренбург и остановился у губернатора

В.А.Перовского (которого знал еще по Петербургу), в его пригородном доме.

Здесь Пушкин встретился с В.И.Далем (с ним он познакомился еще в Петербурге); тот служил чиновником особых поручений при В.А.Перовском и только что вернулся из служебной командировки.

19 сентября (вторник) Даль и Пушкин отправились в слободу Берды, бывшую "столицу" Пугачева. Здесь поэт беседовал со старожилami И.А.Бунтовой и А.Т.Блиновой о Пугачеве и его былых деяниях в Бердах и в Оренбуржье вообще.

Вернувшись из Берд, поэт в сопровождении Далья осмотрел достопримечательности Оренбурга и "пугачевские" места в нем.

Они посетили Оренбургское приходское училище, где поэт беседовал с учащимися, – в их числе с будущим генералом И.В.Черновым.

Пушкин и Даль отобедали у Перовского. После обеда поэт написал жене (десятое письмо).

20 сентября (среда) – примерно в 10 часов утра Пушкин выехал из Оренбурга в Уральск.

21 сентября (четверг) поздно вечером поэт приехал в Уральск и остановился у войскового атамана В.О.Покатилова.

22 сентября (пятница) Пушкин осмотрел "пугачевские" места в Уральске и беседовал о Пугачеве и пугачевцах со старожилami – казаками Червяковым, Пьяновым и др. Здесь же он записал местные народные предания и песни о Пугачеве.

22 и 23 сентября поэт познакомился с уральским казачьим полковником Бизяновым (его фамилия записана в дорожной тетради Пушкина).

22 и 23 сентября (пятница и суббота) поэт присутствовал на органи-

зованных в его честь двух общественных обедов.

23 сентября (суббота) вечером Пушкин выехал из Уральска в Болдино.

24-28 сентября (воскресенье-четверг) Пушкин в дороге.

29 сентября (пятница) поэт в с. Языкове, в обществе трех братьев Языковых.

30 сентября (суббота) утром Пушкин выехал из Языкова.

1 октября (воскресенье) к вечеру поэт приехал в Болдино.

2 октября (понедельник) Пушкин пишет письмо жене (одиннадцатое).

4-м октября (среда) поэт датировал болдинскую редакцию 1-й главы "Истории Пугачева".

6 октября (пятница) поэт начал свою работу над поэмой "Медный всадник".

8 октября (воскресенье) Пушкин в ответном письме жене (он в этот день получил от нее два письма, не дошедших до нас) сообщил, что приводит в порядок свои записи о Пугачеве и поднят им восстании.

11 октября (среда) Пушкин в письме к жене "обязывает" ее съездить к П.А.Плетневу и попросить его, чтобы он к его приезду велел переписать из "Полного собрания законов Российской империи" все манифесты Екатерины II и указы Сената, относящиеся к Пугачеву.

14 октября (суббота) поэт закончил "Сказку о рыбаке и рыбке".

21 октября (суббота) Пушкин пишет жене (в ответ на ее письмо от 4 октября).

24, 26 и 27 октября (вторник, четверг и пятница) поэт писал поэму "Анджело".

28 октября (суббота) Пушкин перевел с польского две баллады А.Мицкевича – "Засада" и "Три будрыса"

(первую балладу Пушкин озаглавил "Воевода", вторую – "Будрыс и его сыновья").

29 октября (воскресенье) Пушкин получил от жены два письма (они не дошли до нас).

29-31 октября (воскресенье-вторник) поэт написал вступление, первую и вторую части поэмы "Медный всадник".

30 октября (понедельник) Пушкин написал письмо В.Ф.Одоевскому, где сообщил, в частности, о своем посещении его матери в Симбирске.

В тот же день Пушкин написал жене.

2 ноября (четверг) поэт закончил "Историю Пугачева" (в ее так называемой болдинской редакции) и написал предисловие к ней.

4 ноября (суббота) Пушкин закончил "Сказку о мертвой царевне и семи богатырях".

6 ноября (понедельник) поэт сообщил в письме жене, что он скоро выедет из Болдина, но по делам задержится на несколько дней в Москве.

9 ноября (четверг) Пушкин выехал из Болдина в Петербург.

14 ноября (вторник) – предположительно – поэт приехал в Москву и провел этот день у П.В.Нащокина.

20 и 21 ноября (понедельник или вторник) вечером Пушкин прибыл в Петербург.

Поездка продолжалась три месяца и три дня.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66